

Давыдов Александр Юрьевич

доктор исторических наук,
профессор кафедры русской истории
Российского государственного педагогического
университета имени А.И. Герцена
dom-hors@mail.ru

**ВЛАСТЬ ПРИ НЭПЕ:
СМЯГЧЕНИЕ ДИКТАТУРЫ
(ПОСТАНОВКА И ИСТОРИОГРАФИЯ
ПРОБЛЕМЫ)**

Аннотация:

Автор уделяет первоочередное внимание обобщению материалов исторических трудов, посвященных комплексному изучению новой экономической политики и вышедших в свет в нынешнем веке. Он выявляет содержащееся в историографии сущностное противоречие, декларируя укрепление диктатуры и авторитарных начал при нэпе. Одновременно исследователи приводят данные, указывающие на либерализацию. Разбираясь в проблеме, автор приходит к выводу о смягчении большевистской диктатуры на протяжении большей части нэповского периода. Выявляются характерные черты этого явления и его сугубо положительное значение для развития процессов общественной самоорганизации.

Ключевые слова:

военный коммунизм, нэп, большевистская диктатура, смягчение диктатуры, самоорганизация, политическая элита, модернизация, кооперативы, экстремизм, историография.

Davydov Alexander Yuryevich

D.Phil. in History,
Professor of the Russian History Department,
Herzen Russian State Pedagogical University
(St. Petersburg)
dom-hors@mail.ru

**AUTHORITY UNDER THE NEW
ECOMOMIC POLICY: MITIGATION OF
THE DICTATORSHIP (PROBLEM
SETTING AND HISTORIOGRAPHY)**

The summary:

The author summarizes the historical researches regarding complex study of the new economic policy published in the 21st century. The article reveals a substantial contradiction in the historiography: while declaring the strenghtening of the dictatorship and authority during the years of NEP, the researchers cite data showing liberalization. Solving the problem the author deduces mitigation of the Bolsheviks dictatorship during the most part of the NEP period. The research reveals the principle features of the phenomenon and its positive influence on the development of the social self-organization processes.

Keywords:

military communism, New Economic Policy, Bolsheviks dictatorship, mitigation of dictatorship, self-organization, political elite, modernization, cooperatives, extremism, historiography.

Выявление тенденций, перспектив и альтернатив общественного развития в условиях нэповской стабилизации в первую очередь упирается в изучение изменений авторитарного режима и определявших его эволюцию политических перипетий.

Мера и формы проявления авторитарных начал в политике большевистской власти в период нэпа – к этой проблеме нередко обращались отечественные и зарубежные авторы. Вместе с тем многие современные историки видят основную из длинного ряда причин деградации нэпа в антагонизме между постоянно ужесточавшимся диктаторским политическим режимом, представлявшим монопольную власть большевистской партии, и смешанно-рыночным характером экономики [1, с. 151]. Уже при общем знакомстве с этой теорией возникает вопрос. Если при военном коммунизме была жесткая диктатура, при нэпе она ужесточилась, то что же мы наблюдаем в 1930-е гг.? Вспоминается рассказ из жизни Ференца Листа: на странице партитуры он пишет «быстро, как только можно», но на следующей «еще быстрее».

Утверждая, что нэп представлял собой либерализацию народного хозяйства при усилении политического диктата, авторы не замечают содержавшегося в их текстах несоответствия. Так, Л.П. Колодовникова на одной странице монографии указывает на ужесточение контроля партии уже при переходе к нэпу, а на другой – характеризует новую экономическую политику в целом как «эпоху хотя и ограниченного, но все же плюрализма» [2, с. 7–8]. Она приводит выразительные данные, отвергавшие наличие организационных возможностей для «ужесточения контроля». Оказывается, в 1923 г. треть членов ячейки ОГПУ линию ЦК не поддерживала; колебания проявляли и высшие руководители Ф.Э. Дзержинский, Г.Г. Ягода, М.А. Трилиссер [3]. Колодовникова прослеживает процесс нарастания противоречий между властью и обществом по мере эволюции нэпа, в результате сталинским руководством был использован, по ее мнению, единственно возможный, насильственный способ удержать страну в повиновении и обеспечить ее развитие [4].

Подобное мнение поселилось ныне во многих головах. Исследователь О.С. Березкина характеризует нэп как «либерализацию без демократизации» и отвергает саму возможность

применения к 1920-м гг. понятий «авторитаризм» и «диктатура»; зато называет политический режим «тоталитарной демократией», строившейся «на специфическом сочетании авторитарных и демократических форм» [5, с. 304, 317–318]. Как представляется, автор неоправданно усложнила процесс поиска истины и чересчур увлеклась отысканием особого российского пути.

Продолжая сюжет о взаимоотношении экономики и политики при нэпе, обратимся к работе серьезного исследователя С.А. Павлюченкова «Экономический либерализм в пределах политического монополизма». С одной стороны, указывается на «незыблемость политического монополизма» (высылка интеллигенции, удар по церкви и т.д.), с другой – заявляется о «стремительном обвале уступок массам», «общем смягчении репрессивной политики», «совершенном падении дисциплины среди РКП», о развале партийных структур в сельской местности и усилении политического влияния зажиточных крестьян и т.д. [6, с. 34, 37, 48, 51–52]. При этом говорится о влиянии «раскрепощения общественных отношений» на социально-политическую организацию. В конечном счете обращено внимание на утрату советской карательной политикой при нэпе «остервенения» [7].

Уже сами многообразные (иногда и замысловатые) текстовые несостыковки, содержащиеся в ряде научных трудов, заставляют усомниться в истинности положения об ужесточении власти. Хотя вряд ли стоит впадать в другую крайность, как это делают только что упомянутая О.С. Березкина и зарубежный ученый Роберт Даниелс. В частности, последний уверен в существовании «термидора русской революции», который пришел на смену типично экстремистскому режиму военного коммунизма [8, с. 87].

В данной связи представляются оптимальными оценки, содержащиеся в трудах Е.Г. Гимпельсона и В.П. Булдакова. Первый сообщает о либерализации режима в 1921–1925 гг. Второй применяет к режиму авторитарной диктатуры нэповского времени точный и непротиворечивый термин «смягчение» [9, с. 53; 10, с. 698, 715]. Как представляется, именно смягчение диктатуры в полной мере выражает политическую тенденцию.

Укажем на некоторые существенные факты. Ни в коей мере нельзя недооценивать огромного политического значения экономических сдвигов. Смягчение диктатуры выразилось в хозяйственных уступках сугубо демократического свойства, ведь огромная сфера общественной жизни ушла из-под ее жесткого контроля. По признанию наркома внутренней торговли А.М. Лежавы, сделанному на закрытом заседании ЦК РКП(б) в марте 1924 г., в первый период нэпа господствовал «стихийный торговый оборот». Это означало, что власть его почти не контролировала [11, с. 158]. В результате возникли многочисленные хозяйственные структуры, представлявшие собой многообразные формы самоорганизации разных слоев населения.

Приведем выразительный факт. На этапе перехода к нэпу в городах в большом количестве создаются самостоятельные добровольные потребительские общества (далее – ДПО), обеспечивавшие самоснабжение сотен тысяч жителей. Об их деятельности власть имела слабое представление. По данным, обнаруженным автором в архиве Ленинградской области, в 1922 г. ДПО объединились в добровольную ассоциацию Бюро объединенных петроградских кооперативов (далее – БОПЕК). Думается, речь идет о выразительном явлении – самопроизвольном демонтаже чрезвычайно разросшегося бюрократического аппарата и свободном (без участия государства) переходе части его функций к простому населению [12, с. 33–43].

Простые граждане (не партийцы, не чиновники) самостоятельно создавали организации и решали насущные задачи. В этом автор обнаруживает проявление хозяйственной и отчасти политической самостоятельности. Стоило диктатуре освободить от своей опеки одну из хозяйственных сфер, как в масштабах крупного города начала действовать структура, организованная на принципах народного представительства. При этом петроградские потребительские общества можно отнести к разряду идеологически сомнительных. Например, правление крупного потребительского общества инженеров и техников «Технокооп» разместилось в помещении Педагогического музея; на стенах зала еще весной 1924 г. висели портреты царских генералов и даже самого Николая II «в золоченой раме, с короной, скипетром и державой» [13]. О портретах просто забыли – идеология ушла на третий план. Раз власть с этим мирится – значит она «смягчилась».

К числу проводников партийно-коммунистической линии никак не отнесем многочисленные официально открытые частные общества научного, технического, культурного и профессионального характера. Их члены обсуждали актуальные проблемы, вели разноплановые дискуссии. Творческую общественную атмосферу периода нэпа выразила и периодика. Даже на страницах официальных газет обнаруживаем острую полемику ответственных чиновников, интересные споры с эмигрантскими изданиями и с иностранной прессой. Популярностью пользовался журнал беспартийной интеллигенции «Новая Россия», пропагандировавший идею сотрудничества всех социальных групп. Подобных фактов множество [14, с. 118; 15, с. 87]. Печально, что к рубежу 1920–1930-х гг. все это было идеологически засушено. В идеологии, пропаганде возоб-

ладали серость, канцелярщина; в сфере государственного управления политический контроль принял форму закручивания гаек.

Перейдем к «чистой» политической сфере. Сразу вспоминаются хрестоматийные факты. Судебная реформа 1922 г., усиление роли советов и увеличение их бюджетов, допуск частной печати, ограничение полномочий ГПУ-ОГПУ. Резко сокращаются масштабы применения насилия. В 1921 г. ВЧК официально отвергла «устаревшие методы работы» (то есть нерассуждающее насилие) и приступила к пересмотру дел ранее осужденных. Псковская губчека пошла дальше и издала специальное распоряжение, в котором говорилось, что ни один гражданин не должен страдать за прошлые грехи, если он в настоящее время не проявляет нелояльных настроений. От года к году неуклонно снижалось число осужденных за политические преступления, в разы сокращалось количество приговоренных к высшей мере социальной защиты, увеличивалось число амнистированных. В 1922 г. предельный срок тюремного заключения уменьшился до 5 лет. По интересному заключению В.П. Булдакова, «реликты прежней нерассуждающей репрессивности могли сохраниться <...>, но теперь они относились к области расстрельной самодеятельности откровенных выродков, а не были лицом системы, решившей “отдохнуть” от крови» [16, с. 264–265].

И вместе с тем большевистская диктатура сохранялась. Не изменилась формально отличавшая диктатуру процедура принятия решений узким кругом лидеров и помимо закона. Проводится публичный процесс по делу правых эсеров, преследуются меньшевики, изгоняется официальное православие, высылаются за границу виднейшие представители отечественной интеллигенции. Еще раз сошлемся на высказывание В.П. Булдакова, который все эти акции относил к разряду «арьергардно-превентивного террора» [17]. Согласимся с автором.

Думается, в новых условиях диктатура ограничила себя попытками сохранить жесткий контроль над несколькими сферами общественной жизни. Прежде всего, насильственно пресекалась возможность консолидации явных идеологически (и с позиций руководства крайне опасных политически) чуждых сил. На большее авторитарной власти не хватало – ее воздействие на общество в целом было эпизодическим, не системным. Для большинства населения ее жесткость и экстремизм сменились мягкостью и непоследовательностью. При этом сформировавшихся внешних ограничителей власти не существовало. Ее неэффективность стала главным ограничителем. В данной связи заслуживает внимания концепция О.В. Гаман-Голутвиной, полагающей, что «неэффективность правящего в 1920-е гг. слоя была обусловлена множественными расколами внутри правящей элиты. <...> Она определялась концептуальными разногласиями и борьбой за власть». В итоге, по мнению автора, политическая элита представляла собой «сообщество клиентел» [18, с. 233–235]. Каждая тянула в свою сторону. Проведение жесткой диктатуры во всех сферах общественной жизни практически становилось невозможным.

Все сказанное определило методы основного орудия диктатуры – ВЧК-ГПУ-ОГПУ. Обратимся к недавно опубликованному содержательному документу – докладной записке начальника секретного отдела ВЧК Т.П. Самонова, адресованной 23 ноября 1921 г. начальнику секретно-оперативного управления В.Р. Менжинскому. Самонов жалуется, прежде всего, на «отсутствие живого и правильного инструктирования» (то есть на недостаток четких установок «сверху») и в связи с этим рисует картину полного развала чекистского дела. Через три года, в декабре 1924 г. Дзержинский в письме Менжинскому требует «стать потише, скромнее, прибегать к обыскам и арестам более осторожно» – и все это в целях лишения троцкистов поводов для нападков на ОГПУ и «организации за нас общественного партийного мнения» [19, с. 45–48; 20, с. 576]. Как видим, чекисты не имели четких ориентиров. «Карающий меч революции» затупился. Примечательно, что не удалось создать надежной осведомительной сети даже к концу нэповского десятилетия [21]. В этом отчетливо проявилась слабость единого авторитарного начала.

Выше речь шла об элите, о некоторых властных институтах. Механизмы и процессы их взаимодействия с народом остались за пределами нашего внимания. Очень важно представить широкую историческую панораму, на фоне которой происходила политическая эволюция. 80 % населения непосредственно затронуло аннулирование достижений «социалистического землепользования» земельным кодексом 1922 г. Времена военного коммунизма, когда власть старалась держать руку на пульсе деревенской жизни и контролировать положение дел посредством продовольственной диктатуры остались в прошлом. О значительном расширении крестьянских свобод и гражданской активности свидетельствует следующий убедительный факт. Газета «Известия» за 2 ноября 1923 г. приводит содержательный материал одного из сотрудников. Посетив сто три российских деревни, он поделился с читателями своими впечатлениями. Во всех этих селениях с количеством населения в 30 тыс. чел. насчитывалось 15 коммунистов, которые управляли некоторыми волостями. На 12 деревень приходилось по одному милиционеру. И при этом «полный порядок, всюду дисциплина», – констатировал корреспондент. Причину он обнаруживал в том, что приходили на помощь «дяди Пахомы, Пантелеичи, Степанычи, Миро-

нычи и другие, кто посмышленнее». Оказывается, они по выборам на сельских сходах с успехом выполняли свои общественные обязанности. Думается, вынужденное смягчение большевистской диктатуры способствовало усилению позитивных самостоятельных общественных начал. В этом обнаруживается серьезное отличие от времени военного коммунизма, когда власть посредством продовольственной диктатуры жестко контролировала деревню.

Годы нэпа – это время «отката» прорвавшейся далеко вперед революции. Думается, такой «откат» в сфере политической наиболее отчетливо дал себя знать на селе. Чем ближе к простому народу – тем ярче он проявлялся. Мы видим, что в тот период губернские комитеты партии еще имели возможности осуществлять диктатуру и влиять на развитие промышленности, сбор натурального налога. Однако уже волостные и (нередко) уездные партиячейки никаким авторитетом не пользовались. Процент делегатов-коммунистов на «низовых» советских съездах неуклонно снижался [22, с. 376, 416].

Возникли негосударственные структуры, которые фактически осуществляли функции непосредственных организаторов деревенских жителей, составлявших не менее трех четвертых населения огромной страны. Они выполняли обязанности сельской власти в условиях нэповской стабилизации. Речь идет об «общих собраниях граждан», то есть сельских сходах. Ученый О.Ю. Яхшиян убежден, что «реальное сельское управление в русской деревне 1920-х гг. оставалось в организационно-институциональном отношении самоуправлением крестьянской общины» [23, с. 179]. А советы в монографии Яхшияна названы – ни много, ни мало! – рабочими, исполнительными органами сходов [24]. Встревоженная падением авторитета советов, центральная власть пыталась изменить ситуацию. Расширила их полномочия, ограничила административное давление, уменьшила численность лишенных права голосовать. Однако большевики проиграли, удельный вес их представителей в советах еще более сократился [25]. «Не сложилось диктата партийных органов в отношении органов госуправления», – констатирует исследователь местных органов власти 1920-х гг. И.А. Тропов [26]. И то обстоятельство, что партийно-коммунистическая диктатура распространяла влияние на советы губернского уровня, неудачу городской диктатуры в деревне не компенсировало. Всевластие Политбюро, Совнаркома, ЦИК на всем протяжении нэпа не утвердилось на сельском, волостном, частично районном уровнях [27]. Большая часть России жила в соответствии с устоявшейся традицией. Ясно, что говорить об ужесточении большевистской авторитарной власти в условиях, когда она не распространялась на подавляющее большинство населения, вовсе не приходится.

Как трактовать приведенные только что факты? Некоторые историки в укреплении общинных самоуправленческих тенденций обнаруживают свидетельство упрочения традиционализма и консерватизма. Не видят другого выхода, кроме диктаторского и сугубо силового преобразования деревни в целях ее обновления. Между тем автор этой статьи целиком солидарен с мнением выдающегося историка-аграрника Виктора Петровича Данилова, который настаивал на том, что «крестьяне, возродившие общинную организацию, сами были уже далеко не архаичны». В качестве основного аргумента исследователь указывает «на высокие возможности кооперирования крестьянских хозяйств». В данном явлении В.П. Данилов совершенно правильно усматривает «реальный преобразовательный процесс, который мог послужить действительной альтернативой <...> сталинской коллективизации» [28, с. 77].

Автор этой работы согласен и с теми исследователями, которые обнаруживают в русской деревне 1920-х гг. потенциал для модернизации. И дело не только в том, что сельское хозяйство продемонстрировало замечательно высокие темпы восстановления. Думается, политический активизм миллионов крестьян следует рассматривать как свидетельство постепенного превращения их из подданных в граждан. Селяне все чаще выступали с требованиями создания Крестьянского союза, Всероссийского крестьянского съезда, свободных выборов с несколькими кандидатами. Подчиняли низовой кооперативный аппарат, создавали блоки на выборах местных советов, формировали независимые от партии кружки взаимопомощи и аграрные сообщества. Все это может быть рассмотрено как выражение нового политического поведения, в основе которого лежит новая идентичность современного свойства [29, с. 293–294, 297–298, 309–310]. Политическое раскрепощение крестьянства стало важным условием преодоления его патриархальной пассивности.

Сказанное заставляет усомниться в истинности суждения о крушении нэпа как результате критического нарастания кризисных элементов социально-экономического свойства. Сошлемся на В.М. Кудрова, который самые высокие темпы экономического роста относит к 1920-м гг., на второе место ставит 1950-е гг., и лишь на третье – 1930-е гг. [30, с. 117, 165]. В данном контексте стоит непредвзято оценить и события 30-х гг., методы и эффективность общественных трансформаций в этот период.

На состоявшейся в Москве в декабре 2008 г. международной научной конференции по истории сталинизма тезис «нэп себя изжил» отнесли к пропагандистским. В докладе Ю.М. Го-

ланда аргументированно обосновывалось положение: «Эффективность экономики при нэпе была низкой, но повышалась. Создание соответствующих стимулов неизбежно содействовало бы увеличению накоплений в крестьянских хозяйствах». Историк резюмировал: «Реальные темпы индустриализации непременно были бы выше при нэпе» [31]. Весьма показательно, что сам Сталин воздавал должное зажиточным крестьянам (по его терминологии – кулакам). На заседании Политбюро ЦК РКП(б) 3 января 1925 г. он оценивает одного кулака «выше, чем десять не кулаков». По мнению вождя, «кулак – человек умный и опытный <...> у него есть инициатива, он умеет руководить». Однако именно против этих людей уже в 1928 г. было развернуто фронтальное наступление [32; 33, с. 15].

Примечательно, что не все авторы признают факт возвращения в конце десятилетия в целом к ленинскому, донэповскому периоду. В известном смысле это верно: новая политическая элита была настроена национально-прагматически; пронизанный национальными симпатиями административный прагматизм пришел на смену утопии мировой революции. При этом нас прежде всего интересует то обстоятельство, что консолидация Сталиным политической элиты в конце изучаемого десятилетия знаменовала конец всякого смягчения диктатуры [34; 35, с. 7].

Теперь – об этапах эволюции диктатуры. До какого времени существовали перспективы ее движения в сторону смягчения? Свой взгляд высказал в вышедшей в свет в 2007 г. работе Д.В. Ковалев. Исследователь относит поворот к ужесточению диктатуры в деревне к 1926 г. Это было связано с полным провалом коммунистов и комсомольцев на выборах сельских советов, соответственно – отказом партийного руководства от снисходительного избирательного регламента и политики «лицом к деревне» [36, с. 139, 141, 142, 143].

Степень ужесточения диктатуры некоторые авторы определяют итогами внутривнутрипартийной борьбы 1925–1926 гг. При определенных ее результатах – полагает В.П. Булдаков – реальностью стало бы движение СССР в 1920-е гг. «по пути, сходному с дэнсяопиновским» (оно в середине десятилетия и определялось). По его мнению, поворот несомненно был бы поддержан рабочими, крестьянами и интеллигенцией [37, с. 215].

Ряд исследователей обнаруживает разнонаправленность политической эволюции в 1920-х гг. на этапе, предшествовавшем 1926–1927 гг. При этом Гимпельсон Г.Е., Голанд Ю.М. по существу отвергают идею распада нэпа преимущественно под тяжестью разлагавших его противоречий социально-экономического свойства. Они обращают внимание на прямую взаимосвязь между разрушением нэпа и перипетиями политической борьбы. Экстремистскую тенденцию ученые связывают со Сталиным. Е.Г. Гимпельсон совершенно правильно отмечает, что даже числившийся крайним леваком Троцкий не призывал к административным мерам против кулака, ограничиваясь экономическими. Переизданная в 2010 г. книга А. Эрлиха «Дискуссии об индустриализации в СССР» трактует взгляды генсека как специфически радикальные [38; 39, с. 189, 191, 194]. Получается, что суждение о политической безальтернативности нэпа несостоятельно. Победа любой группы, кроме той, которая была полна твердой решимости наголову разгромить всех оппонентов и не считаться при этом ни с какими потерями, открывала позитивные перспективы для общества. С учетом значительного и нараставшего политического потенциала крестьянства и активного стремления городского населения к самостоятельности в будущем партия стала бы местом противостояния фракций, отражавших интересы разных общественных сил. К этому неизбежно вела линия на углубление смягчения большевистской диктатуры.

Нэп завершился в связи с установлением единовластия сталинской диктаторской группы. Было покончено с независимыми структурами и группами в партии, среди городского населения. «Центр» мобилизовал все силы на разгром крестьянского самоуправления. Местные органы власти утратили всякую самостоятельность. Неизбежная модернизация оказалась навязываемой сверху, а не выраставшей из нужд народа и не взаимосвязанной напрямую с его благополучием. Ее оборотной стороной оказалась архаизация общественных процессов. Поэтому многие модернизационные процессы начнут постепенно разрушаться вместе с деформацией и разрушением сталинской диктатуры.

Ссылки:

1. Надеждина В.А. Нэповская Россия в зеркале социальной истории // Отечественная история. 2007. № 4. С. 149–157.
2. Колодовникова Л.П. Советское общество 20-х годов XX века. По документам ВЧК-ОГПУ. М., 2009.
3. Там же. С. 8.
4. Колодовникова Л.П. Указ. соч. С. 340.
5. Березкина О.С. Политическая элита и политический режим в 1920-е гг. (Опыт системного анализа) // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М., 2006.
6. Павлюченков С.А. Экономический либерализм в пределах политического монополизма // Россия нэповская. Исследования. М., 2002.
7. Там же. С. 35, 55.
8. Даниелс Р. Взлет и падение коммунизма в России. М., 2001.

9. Гимпельсон Е.Г. Новая экономическая политика Ленина-Сталина. Проблемы и уроки (20-е гг. XX в.). М., 2004.
10. Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия. 1920–1930. М., 2012.
11. Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б). 1923–1938. Т. 1. 1923–1926. М., 2007.
12. Давыдов А.Ю. Кооператоры советского города в годы нэпа. Между военным коммунизмом и социалистической реконструкцией. СПб., 2011.
13. Там же. С. 36.
14. Голанд Ю.М. Разрушение нэпа: экономические, идеологические и политические предпосылки // История сталинизма: итоги и проблемы изучения // Материалы междунар. науч. конф. 5–7 декабря 2008 г. М., 2011.
15. Валентинов Н. (Вольский Н.) Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. М., 1991.
16. Булдаков В. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.
17. Там же. С. 264.
18. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России // Вехи исторической эволюции. М., 2006.
19. Остракизм по-большевистки. Преследования политических оппонентов в 1921–1924 гг. М., 2010.
20. Ф. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. 1917–1926 // Документы. М., 2007.
21. Булдаков В.П. Указ. соч. С. 426–427.
22. Тропов И.А. Эволюция местных органов государственной власти (1917–1920-е гг.). СПб., 2011.
23. Яхшиян О.Ю. Общинное самоуправление и советы: местная власть в русской деревне 1920-х гг. М., 2006.
24. Там же. С. 179.
25. Тропов И.А. Указ. соч. С. 424, 428–429, 430, 434.
26. Там же. С. 434.
27. Там же. С. 462.
28. Данилов В.П. Возникновение и падение советского общества: социальные истоки, социальные последствия // Россия на рубеже XXI в. Оглядываясь на век минувший. М., 2000.
29. Великанова О. Крестьянский союз в 1920-е гг. и формирование крестьянской идентичности: Модернизационный дискурс // Человек и личность в истории России. Конец XIX–XX в. СПб., 2013.
30. Кудров В.М. Советская экономика в ретроспективе. Опыт переосмысления. М., 2003.
31. Голанд Ю.М. Указ. соч. С. 130, 132.
32. Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б) ... С. 306, 314.
33. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД // Документы и материалы: в 4-х т. Т. II. М., 1998.
34. Гаман-Голутвина О.В. Указ. соч. С. 245.
35. Бранденбергер Д.Л. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания. СПб., 2009.
36. Ковалев Д.В. Политическая дискриминация крестьянства в нэповской России // Вопросы истории. 2007. № 5. С. 139–143.
37. Булдаков В.П. Постреволюционный синдром и социокультурные противоречия нэпа // Нэп в контексте исторического развития России XX в. М., 2001.
38. Гимпельсон Е.Г. Указ. соч. С. 121.
39. Эрлих А. Дискуссии об индустриализации в СССР. 1924–1928. М., 2010.

References:

1. Nadezhdina, VA 2007, 'NEP Russia in the mirror of social history', *History of Russia*, no. 4, pp. 149-157.
2. Kolodovnikova, LP 2009, *Soviet society 20 years of the twentieth century. According to the documents of the Cheka-OGPU*, Moscow.
3. Kolodovnikova, LP 2009, *Soviet society 20 years of the twentieth century. According to the documents of the Cheka-OGPU*, Moscow, p. 8.
4. Kolodovnikova, LP 2009, *Soviet society 20 years of the twentieth century. According to the documents of the Cheka-OGPU*, Moscow, p. 340.
5. Berezkina, OS 2006, 'Political elite and the political regime in the 1920s. (Experience Systems Analysis)', *NEP: economic, political and socio-cultural aspects*, Moscow.
6. Pavluchenkov, SA 2002, 'Economic liberalism within political monopolization', *NEP Russia. Research*, Moscow.
7. Pavluchenkov, SA 2002, 'Economic liberalism within political monopolization', *NEP Russia. Research*, p. 35, 55.
8. Daniels, R 2001, *The Rise and Fall of Communism in Russia*, Moscow.
9. Gimpelson, EG 2004, *The New Economic Policy of Lenin and Stalin. Issues and Lessons (20-ies. XX c.)*, Moscow.
10. Buldakov, VP 2012, *Utopia, aggression, power. Psychosocial dynamics of the post-revolutionary time. Russia. 1920-1930*, Moscow.
11. *Transcripts of the meetings of the Politburo of the Central Committee of the RCP (b)-CPSU (b). 1923-1938. T. 1. 1923-1926* 2007, Moscow.
12. Davydov, AY 2011, *Cooperators Soviet city during the NEP. Between war communism and socialist reconstruction*, St. Petersburg.
13. Davydov, AY 2011, *Cooperators Soviet city during the NEP. Between war communism and socialist reconstruction*, St. Petersburg, p. 36.
14. Goland, YM 2011, 'Destruction of the NEP: economic, ideological and political background // History of Stalinism: results and problems of research', *Materials of the International. scientific. conf. 5-7 December 2008*, Moscow.
15. Valentinov, N (N. Wolski) 1991, *New Economic Policy and the crisis in the Party after Lenin's death*, Moscow.
16. Buldakov, V 1997, *Red distemper. Nature and consequences of revolutionary violence*, Moscow.
17. Buldakov, V 1997, *Red distemper. Nature and consequences of revolutionary violence*, Moscow, p. 264.
18. Gaman Golutvina, OV 2006, 'Political elite of Russia', *Milestones of historical evolution*, Moscow.
19. *Ostracized bolshevists. Persecution of political opponents in the 1921-1924 biennium* 2010, Moscow.
20. 'Dzerzhinsky - the chairman of the Cheka-OGPU. 1917-1926' 2007, *Documents*, Moscow.
21. Buldakov, V 1997, *Red distemper. Nature and consequences of revolutionary violence*, Moscow, pp. 426-427.
22. Troпов, IA 2011, *The evolution of local government (1917-1920-ies.)*, St. Petersburg.
23. Yahshiyani, OY 2006, *Communal self-government and councils: the local authorities in the Russian village of the 1920s*, Moscow.

24. Yahshiyani, OY 2006, *Communal self-government and councils: the local authorities in the Russian village of the 1920s*, Moscow, p. 179.
25. Tropov, IA 2011, *The evolution of local government (1917-1920-ies.)*, St. Petersburg, pp. 424, 428-429, 430, 434.
26. Tropov, IA 2011, *The evolution of local government (1917-1920-ies.)*, St. Petersburg, p. 434.
27. Tropov, IA 2011, *The evolution of local government (1917-1920-ies.)*, St. Petersburg, p. 462.
28. Danilov, VP 2000, 'Rise and Fall of Soviet society: the social origins and social consequences', *Russia at the turn of the XXI century. Looking back at the past century*, Moscow.
29. Velykanova, O 2013, 'Farmers' Union in the 1920s. and the formation of peasant identity: Modernization discourse', *Man and personality in the history of Russia. End of XIX-XX century*, St. Petersburg.
30. Kudrow, VM 2003, *The Soviet economy in retrospect. Experience rethinking*, Moscow.
31. Goland, YM 2011, 'Destruction of the NEP: economic, ideological and political background // History of Stalinism: results and problems of research', *Materials of the International. scientific. conf. 5-7 December 2008*, Moscow., pp. 130, 132.
32. Transcripts of the meetings of the Politburo of the Central Committee of the RCP (b)-CPSU (b). 1923-1938. T. 1. 1923-1926 2007, Moscow, pp. 306, 314.
33. 'Soviet village eyes Cheka-OGPU-NKVD' 1998, *Documents and materials*, in 4 vols, vol. II. Moscow.
34. Gaman Golutvina, OV 2006, 'Political elite of Russia', *Milestones of historical evolution*, Moscow, p. 245.
35. Brandenberger, DL 2009, *National Bolshevism. Stalinist mass culture and the formation of Russian national identity*, St. Petersburg.
36. Kovalev, DV 2007, 'Political discrimination against the peasantry in NEP Russia', *Questions of history*, no. 5, pp. 139-143.
37. Buldakov, VP 2001, 'Postrevolutionary syndrome and socio-cultural contradictions NEP', *NEP in the context of the historical development of Russia in the twentieth century*, Moscow.
38. Gimpelson, EG 2004, *The New Economic Policy of Lenin and Stalin. Issues and Lessons (20-ies. XX c.)*, Moscow, p. 121.
39. Ehrlich, A 2010, *Discussions about industrialization in the USSR. 1924-1928*, Moscow.